

МОЛОДАЯ РУСЬ

№ 9-10

Май-Іюнь

1931

ПЕРИОДИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ОБЩЕСТВА КАРПАТОРУССКИХЪ
СТУДЕНТОВЪ „ВОЗРОЖДЕНИЕ“ ВЪ ПРАГЪ.

МОЛОДАЯ РУСЬ

ЖУРНАЛЪ ОБЩЕСТВА КАРПАТОРУССКИХЪ СТУДЕНТОВЪ
„ВОЗРОЖДЕНИЕ“ ВЪ ПРАГЪ.

Редакторъ — Редакціонный Комитетъ. Издатель — О. К. С. „Возрожденіе“.
Отвѣтственный редакторъ Ст. Анталовскій.

В. Ив. Лендељ.

Десять лѣтъ!

Двѣнадцать лѣтъ свободы, кажется, Карпатской Руси не принесли ничего новаго. Зоркій глазъ посторонняго знакомаго съ нашей родиной въ 1920 году, въ 1930 году не нашелъ бы у насъ ничего новаго. И дѣйствительно, съ двадцатого года и до сего дня карпатороссы не очень двинулись впередъ. Наша Русь сегодня, какъ и въ двадцатомъ году, спитъ непробуднымъ сномъ.

Конечно, бываютъ, и довольно часто, на нашей родинѣ съѣзды и разнородныя культурныя или политическія собранія, которые расшевеливаютъ нашу Русь только на короткое время. Отъ посѣяннаго зерна плодовъ не получается и не всякая работа нашего несчастнаго карпаторосса увѣнчивается успѣхомъ. А почему это такъ? Вѣдь мы сами стремимся къ достижению цѣли и никто не желаетъ прекращать своей дороги на самой серединѣ. Такъ дѣлаютъ это всѣ тѣ, у которыхъ есть хотя капля исторического идеала, но не такъ дѣлаютъ это нѣкоторые наши дѣятели, принимающіе иногда за работу безъ предварительной подготовки и безъ крѣпкаго убѣждѣнія, которые часто мѣняются. И мы не удивляемся. Не могла же старая довоенная школа дать нашему карпатороссу-интеллигенту того, чего требуетъ отъ него духъ настоящаго времени!

Тайна нашей душевной нищеты скрывается въ старой школѣ. Ея вліяніе не восприняли только немногіе. Здѣсь и только здѣсь скрываются тайны нашихъ карпаторусскихъ неуспѣховъ. Къ сожалѣнію, не только на полѣ политическомъ, но и на культурномъ. Посмотрите ряды нашихъ работниковъ за прошлое десятилѣтіе. Сколько выбыло изъ нихъ и перешло къ врагамъ народа? Возьмите 1919 годъ и сегодня и вы увидите, насколько и у сколькихъ измѣнились ихъ убѣжденія.

Правда, что религіозные и языково-

національные споры не даютъ возможности нашимъ вождямъ работать на полѣ культурно-экономическомъ, почему и приходится наблюдать частое отклоненіе отъ русской линіи. Развѣ можно иначе итти цѣлый десятокъ лѣтъ по прямой дорогѣ, а на одинадцатомъ году объявить се неправильной и пуститься по кривымъ тропинкамъ? И просится на бумагу вопросъ — по чьему побужденію и давленію дѣлаются всѣ эти комедіи, отъ которыхъ для карпаторусского народа никакой пользы, но много вреда?

Вопросъ этотъ задается молодежью, которая имѣеть свою исторію и традиціи, которая смѣло смотрѣть въ глаза будущему и изъ души которой не говорить еще материализмъ! Мы ждемъ на него отвѣтъ отъ всѣхъ. Да! Отъ людей съ идеологическимъ перерожденіемъ мы ждемъ отвѣта. Вѣдь не молодежь же виновата, что до войны у насъ не было ни религіозныхъ, ни національно-языковыхъ споровъ, а сегодня есть.

Будь наши дѣятели нѣсколько благоразумнѣе, Прага навѣрное не вмѣшивалась бы въ наши внутреннія карпаторусскія дѣла. Мы сами дали къ этому поводъ.

Только карпатороссъ въ идеологіи можетъ итти на компромиссъ. Кому надобны двусмысленныя статьи нѣкоторыхъ нашихъ газетъ, которымъ не вѣритъ даже самъ авторъ, который пишетъ только потому, чтобы писать?

Нашъ страдающій народъ не имѣеть изъ всего этого никакой пользы, да онъ всего этого даже и не понимаетъ. Нашъ карпаторусскій корабль все еще безъ рулевого и носится по полѣ волнъ. Бѣда, ибо намъ этого рулевого въ дѣйствительности не хватаетъ, можетъ быть потому, что всѣ стараются быть таковыми.

Имѣя его, мы не измѣняли бы на двѣнадцатомъ году нашей традиціонной дорогѣ.

Благодаря всему этому въ нашемъ народѣ растетъ „матеріализмъ“ и эгоизмъ, изъ чего получается одна ненависть, а для самой Карпатской Руси — музыка Крыловского квартета. Дорогие вожди! Вмѣсто личныхъ ссоръ воспитывайте ввѣренный вамъ народъ быть честнымъ, совѣстнымъ и крѣпкимъ въ его русскомъ „я“ и тогда вамъ нечего бояться порабощенія, котораго у насъ пока еще нѣтъ и которое напрашивается только благодаря намъ са-

мимъ. Вѣдь свобода правъ добывается по мѣрѣ собственныхъ силъ и никакъ не пустыми фразами. Прага съ карпатороссомъ познакомилась по большей части отъ его студентовъ. Что не сдѣлалось за первое десятилѣтіе, можно сдѣлать за второе. И слѣдующее десятилѣтіе должно быть десятилѣтіемъ настоящей работы безъ фразъ не только студентовъ, но и всей нашей интеллигенціи.

Культурная дѣятельность угророссовъ на рубежѣ 18-19 вѣковъ.

(Продолженіе).

Вторая группа переселившихся въ Россію профессоровъ, состоящая изъ упомянутыхъ уже Михаила Андреевича Балудьянскаго, Василія Григорьевича Кукольника и Петра Дмитріевича Лодія, была только представительницей науки, за свободное развитіе которой вела упорную борьбу, но въ отличіе отъ Орлай и Венелина, въ общественной дѣятельности была, за исключениемъ, быть можетъ, Лодія, очень робка. Съ переселеніемъ въ Россію она прекращаетъ всякія сношенія съ Угорской Русью, такъ какъ боится навлечь на своихъ земляковъ преслѣдованіе со стороны австрійскаго правительства, непреклоннаго уже тогда ко всему, имѣющему русскій обликъ. Лучшимъ доказательствомъ этой робкости можетъ послужить слѣдующій случай.

Послѣ разгрома Казанского университета „попечителемъ обスクрантомъ“ Михаиломъ Леонтьевичемъ Магницкимъ въ 1819-20 г. г., послѣдовалъ указъ Александра I: „Для пополненія отыскать способныхъ профессоровъ и въ другихъ учебныхъ окружахъ, предпочтительно же изъ русскихъ, но только не иначе, какъ по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ о нравственности ихъ“. Тогдашній министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, желая исполнить это Высочайшее повелѣніе, явился со слѣдующей докладной запиской: „Для замѣщенія каѳедръ я обращался въ прочіе университеты наши, но въ оныхъ не нашлось желающихъ занять упомянутыя вакансіи (полит. экон., нат. ист., химіи и мет., теор.

и опытн. физ., технол., анат., физіолог. и судебн. врач. науки, врачебн. веществосл. и фармаціи, хирургіи, повивальн. искусства, скотолеч., греч. словесн., древности и лат. словесн.). За симъ слѣдовало бы обратиться, какъ доселѣ бывало, къ Германіи, но въ настоящее время, по существующему тамъ духу, не предвидится въ томъ пользы. *Одинъ народъ, отъ котораго можно намъ желать ученыхъ, есть карпато-россы, говорящіе однимъ съ нами языккомъ и сохраняющіе вѣру предковъ нашихъ, которая защищаетъ доселѣ племена Славянскія отъ духа философизма.*

Но известно, что правительство Австрійское не благопріятствуетъ сношеніямъ Карпато-Россовъ съ нами. Профессоры, кои изъ сей націи занимаютъ въ здѣшнемъ университетѣ (С. Петербургскомъ) каѳедры, не могли по сей причинѣ сохранить связей съ своимъ отечествомъ и опасаются даже пересылать изъ него сюда людей. Одинъ слѣдовательно остается для сего способъ — непосредственное сношеніе правительствъ. По сему приемлю смѣлость испрашивать, не благоугодно ли будетъ Вашему Императорскому Величеству, дабы министерство наше Иностранныхъ дѣлъ вошло въ сношеніе съ Австрійскимъ правительствомъ, для приобрѣтенія ученыхъ изъ Карпато-Россовъ къ занятію въ Казанскомъ университетѣ праздныхъ каѳедръ“.

Балудьянскій и Лодій не совѣтовали князю Голицыну входить въ непосредственныя сношенія съ Карпатской Русью. Не такъ робокъ былъ въ этомъ отношеніи

Орлай, не прекратившій до конца жизни сношення со своими земляками, о чёмъ, между прочимъ, свидѣтельствуетъ упомянутыя уже выше письма Орлая къ лейбъ-медику Вилліе, Бережанина и кандидата богословія Ляцкова къ Орлаю. Въ связи съ письмомъ Ляцкова, прочитаннымъ въ апрѣльской Конференціи гимназіи въ Нѣжинѣ за 1825 г. и изложеннымъ обширно въ Журналѣ Конференціи (41 л.²), мы узнаемъ, что Орлай, какъ уже отмѣчено было выше, имѣлъ порученіе отъ министра кн. Голицына „за № 180-мъ 1821 года Августа 23-го дня, за № 2894-мъ того же года Сентября 10 дня и за № 3232-мъ 1822 года Ноября 8-го дня“ приглашать „въ Профессоры и Учители способныхъ людей изъ Славянъ и Карпато-Россовъ“. Изъ той же докладной записки князя Голицына и уполномоченія имъ Орлая отыскать способныхъ профессоровъ и учителей изъ славянъ и Карпато-Россовъ, можемъ заключить, что министръ Голицынъ, пребывающій въ С.-Петербургѣ, могъ предложить пребывающимъ тамъ же угророссамъ (Балудьянскому и Лодію) порученіе приглашать Карпато-Россовъ и славянъ для занятія праздныхъ каѳедръ въ Казанскомъ университѣтѣ, но они по своей робости не приняли этого. Только этой возможностью можемъ себѣ объяснить, почему Голицынъ уполномочилъ на это Орлая, пребывающаго уже въ то время на югѣ Россіи, въ Нѣжинѣ. А что Орлай имѣлъ такое порученіе, опять можемъ заключить, что имп. Александръ I соизволилъ приглашать Карпатороссовъ для занятія профессорскихъ каѳедръ въ Казанскомъ университѣтѣ. Но, однако, послѣ этого третьяго призыва профессоровъ изъ карпатороссовъ, ни въ Казанскомъ, ни въ другихъ университетахъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ не оказалось. Это прекращеніе прилива угрорусскихъ учебныхъ силъ въ Россію объясняется увеличенiemъ мѣстныхъ культурныхъ силъ — съ одной стороны, и уменьшениемъ производительности Угорской Руси въ болїе выдающихся педагогическихъ силахъ

— съ другой стороны, что наступило послѣ смерти епископа Андрея Бачинскаго. Но если же вспомнить, какія розовыя надежды возлагалъ кн. Голицынъ въ своей докладной запискѣ на „Карпато-Россовъ“, чуждыхъ „духа философизма“, то онъ впослѣдствіи могъ горько разочароваться, ибо двое изъ вышеупомянутыхъ угрорусскихъ ученыхъ, занимающихъ каѳедры въ С.-Петербургскомъ университетѣ, вскорѣ послѣ докладной записи не оправдали надеждъ когда то большого поклонника Вольтера, но уже успѣвшаго превратиться въ мистика и крайняго реакціонера министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, такъ какъ и Балудьянскій и Лодій, какъ увидимъ, явились лучшими представителями прогрессивныхъ элементовъ своей, находящейся уже тогда въ летаргическомъ снѣ, родины.

Переселеніе Балудьянскаго, Лодія и Кукольника въ Россію связано отчасти съ преслѣдованіемъ „славяно-русскаго“ языка въ Австрійской Имперіи, но главнымъ образомъ съ выдающимися реформами школьнаго дѣла въ Россіи во время министра народнаго просвѣщенія графа Петра Васильевича Завадовскаго (1802-1810). Попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа, Николай Николаевичъ Новосильцевъ, занимавшій должность попечителя этого округа съ 1803 по 1804 г., желая имѣть въ новооткрытомъ С.-Петербургскомъ педагогическомъ институтѣ хорошихъ педагоговъ съ высшимъ образованіемъ, обратилъ свое вниманіе на Карпатскую Русь. Офиціальный вызовъ вышеупомянутыхъ угрорусскихъ педагоговъ въ С.-Петербургъ послѣдовалъ подъ конецъ 1803 г. по указаніямъ Орлая и содѣйствіи лейбъ-медику Вилліе.

Указавъ на главныя причины переселенія Балудьянскаго, Лодія и Кукольника въ Россію, приступимъ на основаніи доступнаго намъ историческаго матеріала отдельно къ подробному разбору культурной ихъ дѣятельности въ Россіи, приводя при томъ попутно необходимыя краткія біографіческія замѣтки.

(Продолженіе слѣдуєтъ).

Отъ Редакціи. Окончивъ первый годъ изданія журнала „Молодая Русь“, обращаемся къ карпаторусской общественности, чтобы помогла намъ продолжать изданіе немедленной присылкой подписанной платы на настоящій годъ.

Э. Соколь.

О существѣ дѣтства.

I. Теоремы игры.

Что такое игра? Почему дитя играетъ? Этотъ вопросъ пробовали рѣшить нѣсколькими теоріями.

Приведу здѣсь нѣкоторыя изъ нихъ.

1) *Теорія отдыха.* Это есть мнѣніе очень старого происхожденія, мнѣніе народное, формулированное Lazarus'омъ такимъ образомъ, что игра нужна для освѣженія и необходима для того, чтобы усталый организмъ, именно играя, отдохнулъ послѣ работы физіологической (тѣлесной) или психической (душевной). Но эта теорія совсѣмъ неправильная; почему бы усталость влекла за собою какъ разъ игру, вмѣсто пріятнаго отдыха. Впрочемъ, мы знаемъ, что малыя дѣти играютъ съ утра, т. е. съ момента, когда они еще не устали. А послѣ какой работы должны бы такъ много отдыхать щенки и котята, играя съ утра до вечера?

2) *Теорія излишней енергіи.* Эту теорію произнесъ въ первый разъ поэтъ Schiller (1795 г.), а послѣ него Spencer („Psychologie“). Эта теорія не выдержитъ критики дѣйствительности ни чуть не меньше прежней теоріи. Эта теорія состоитъ въ слѣдующемъ: въ дитяти есть свыше мѣры жизненной енергіи и такъ какъ эти силы не использованы работой — накапливаются. Потомъ эта енергія расходуется и, несомнѣнно, проходитъ только дорогами, созданными привычкой въ нервныхъ центрахъ. Такимъ образомъ, совершаemyя, не приносящія никакой пользы движенія и являются существенной основой всякой игры.

Конечно, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что это излишнее количество собравшейся енергіи можетъ поддерживать упражненія въ игрѣ, но ни въ коемъ случаѣ не можетъ объяснить дѣйствительныя причины игры. Эта теорія не объясняетъ опредѣленную форму, какую воспринимаютъ игры всѣхъ животныхъ той же группы зоологической. Въ дѣйствительности нельзя утверждать, что въ своихъ играхъ повторяютъ привычную дѣятельность; наоборотъ, скорѣе склонны къ дѣятельности, оказывающейся новой.

А, съ другой стороны, мы знаемъ, что дѣти играютъ и тогда, когда они совершенно устали и даже играютъ такъ долго, пока не уснутъ надъ своими игрушками. И дѣти, долго болѣвшія, не ожидаютъ, пока у нихъ накопится излишекъ енергіи, а моментально принимаются за игру.

3) *Теорія атавистическая.* Эта теорія базируется на извѣстномъ біогенетическомъ принципѣ Гекла (Haekel), а именно, что филогенезія сходна съ онтогенезіей, т. е. развитіе дитяти есть краткимъ повтореніемъ развитія цѣлой расы или, лучше сказать, дитя въ своемъ развитіи должно пройти приблизительно всѣми тѣми фазами культурной жизни, какими прошла цѣлая раса.

Эту теорію предлагалъ извѣстный педапсихологъ Stanley Hall (1902). Hall думаетъ, что игра необходима для отстраненія всѣхъ послѣдственныхъ дѣятельностей, какія стали уже лишними. Но и эта теорія не даетъ достаточного объясненія игры, ибо по этой теоріи игра является только факторомъ функцій для елиминації лишнихъ наслѣдственостей.

Гораздо лучшее объясненіе даетъ слѣдующая теорія:

4) *Теорія приготовительнаго упражненія,* формулированная у К. Гроса (Groos 1896). Этотъ психологъ, узнавъ всѣ недостатки выше приведенныхъ гипотезъ, первый понялъ, что для рѣшенія проблемы игры необходимо разматривать послѣднюю съ біологической точки зрѣнія.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что именно какъ разъ біологический принципъ позволяетъ намъ сильнѣе углубиться въ душевную дѣятельность, ибо наблюдатель, смотрящій на игру съ этой точки зрѣнія, имѣетъ возможность наблюдать разныя дѣйствія не только у человѣка, но одновременно и у цѣлой категоріи животныхъ, а, главное, онъ наблюдаетъ не только прямой детерминизмъ этихъ дѣйствій, но и ихъ функциональное значеніе и ихнюю задачу въ самой жизни. Итакъ, посмотримъ ли на игру, какъ на дѣйствіе, сейчасъ же замѣтимъ, что игры мѣняются по катего-

ріамъ животныхъ и что дѣйствія, совершаemыя опредѣленной категоріей, очень похожи на дѣйствія взрослыхъ животныхъ той же категоріи. Иными словами, есть почти столько сортовъ игры, сколько инстинктовъ; игры воинственные, охотничьи, эротическія и т. п.

Такъ, напр., котенокъ прыгаетъ за бумагой, которой двигаетъ вѣтеръ, точно такъ, какъ позднѣе прыгнетъ за мышью или птицей. Козлята играютъ такъ, что толкаются головой, что отвѣчаетъ позднѣйшему боданію и т. д. Но никогда не замѣчаемъ, чтобы при играхъ одной категоріи звѣрей показались упражненія инстинктовъ, отвѣчающія іной категоріи. Напрасно будемъ двигать бумагой передъ козленкомъ, онъ никогда не прыгнетъ за ней и, наоборотъ, котята никогда не станутъ бодаться головой. Итакъ, мы приведены къ тому, чтобы полагать игру за приготовительное упражненіе для будущей серьезной жизни. Поэтому можно сказать по Гросовой теоріи, что животное (звѣрь) не играетъ потому, что оно молодое, но оно молодое потому, что нуждается въ игрѣ! И эта теорія не удовлетворяетъ вполнѣ; къ ней необходимо прибавить нѣсколько дальнѣйшихъ гипотезъ, которые приведемъ только вкратцѣ, какъ дополненіе. Но и всѣ эти дополнительные теоріи имѣютъ съ теоріей Гроса общее то, что полагаютъ игру за факторъ въ развитіи индивидуума; потому всѣ эти теоріи, вмѣстѣ съ теоріей Гроса, можно включить въ общую рубрику: генетическо-функциональное понятіе игры.

5) *Игра, какъ поощреніе для возраста*. Это понятіе тривіальное и никакъ не противорѣчитъ теоріи Гроса. Напр., атлетъ игрой — упражненіемъ — пріобрѣтаетъ сильно развитые мускулы.

6) *Теорія дополнительного упражненія, или же компенсаціи*, есть важное дополненіе теоріи Гроса, но касается главнымъ образомъ игры взрослыхъ людей.

7) *Теорія катартическая*. Carr приписываетъ игрѣ еще и дѣйствіе катартическое, т. е. очищающее. Приходомъ въ міръ приносимъ съ собой опредѣленное количество грубыхъ инстинктовъ, вредныхъ для цивилизаціи; задачей игры является очистить насъ постепенно отъ этихъ антисоціальныхъ тенденцій.

K. Groos принялъ изложеніе, которое выплываетъ изъ катартической теоріи и указалъ, что этотъ „очистительный“ процессъ является особенно необходимымъ для упражненія инстинкта очень стремительной тенденціи: инстинкта полового.

Сексуальныя тенденціи являются по-водомъ большого количества игръ, какъ танецъ, флиртъ и т. д., ихня же функція катартическая очевидна, особенно во время пуберты: эти игры являются, такъ сказать, страховымъ вентиляторомъ; охраняютъ молодежь отъ катастрофъ, но одновременно даютъ возможность узнать другой полъ. Другой сортъ дериваціи приклоняется къ фикціямъ, къ мечтаніямъ, романамъ и т. д., а въ данное время удовлетворяютъ томлениямъ сердецъ юноши или дѣвушки. Потому эротическое искусство, пока имѣетъ функцію катартическую, приноситъ пользу обществу.

Итакъ, видимъ, что игра служить частью какъ факторъ приготовленія или же усовершенствованія индивидуума для будущихъ ситуаций жизни, частью какъ факторъ, позволяющей ему удовлетворить настоящія нужды и именно дериваціей.

Такъ что, наконецъ, общий итогъ будетъ слѣдующій:

Функція	приготовит.	{ возрастъ, упражненіе, усовершенствованіе.
	упражненіе	
игра	деривація	{ катарзія, компенсація,

Второе средство въ развитіи дѣтей есть подражаніе. Оно является цѣннымъ пособіемъ для игры и потому является важной функціей въ развитіи дѣтей. Но это средство намъ не дано уже готовымъ къ употребленію, его надо, какъ остальные функціи, пріобрѣсти игрой. Задача подражанія есть повтореніе того, что видѣли или слыхали у другихъ. Физіологически эта репродукція предполагаетъ существование связи между неuronами сензорического центра и между комплексомъ двигательныхъ неuronовъ.

Послѣ этихъ разсужденій, наконецъ, уже можемъ отвѣтить на нашъ вопросъ. Дѣтство есть для того, чтобы дитя играло и подражало. Конечно, въ подражаніи и игрѣ наблюдаемъ проявленіе наслѣдственности нѣкоторыхъ функцій. Отмѣчаю, что наслѣдственно дитя пріобрѣтаетъ только

нѣкоторые инстинкты, именно отъ родителей или же отъ предковъ вообще. Ни въ коемъ случаѣ не пріобрѣтаетъ знаній своихъ предковъ, но только инстинкты, возбужденіе къ тому, чтобы исполнять определенную функцию.

А для исполненія этихъ функций нужно дѣтство. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что дѣти не врождаются количественно и качественно одинаковое множество наследственныхъ функций; потому не выдержитъ критики утвержденіе французского психолога и педагога 19-го ст. Jastot-a, что всѣ рождаются съ одинаковой интеллектуальностью.

Дитя не есть дитя потому, что у него нетъ опытовъ, но потому, чтобы сыскать опытъ. Дитя не есть молодымъ потому, что оно не взрослое (большое), но потому, что скрытый инстинктъ принуждаетъ его къ тому, чтобы оно исполняло то, что

ему надо для того, чтобы оно было взрослымъ. А какъ видимъ, эта инстинктивная эволюціонная тенденція проявляется въ игрѣ и въ подражаніи.

Итакъ, основной, характеристической чертой дѣтства есть не то, что оно не „совершенное“, но то, что оно является кандидатомъ. Зрѣлость есть кристаллизация. Цѣлью дѣтства есть отдалить на позднѣйшее время, когда индивидуумъ теряетъ свойство „измѣняться“, когда „окостенѣеть“, когда пріобрѣтетъ дефинитивную форму, какъ кусокъ желѣза, которому кузнецъ далъ остыть.

Источники работы:

Ed. Clapar  de: Psychologie de l'enfant et d'education exp  rimentalle.

Edvard Thordnike: „Educational psychology“.

Эм. Соколь.

Русскія пословицы и ихъ связь съ карпаторусскими.

Рѣдко встрѣчается народъ, который можетъ гордиться такимъ богатствомъ пословицъ и поговорокъ, какъ народъ русскій; онъ часто на вопросы отвѣчаетъ исключительно пословицей и, слава Богу, можетъ щеголять богатымъ знаніемъ разныхъ пословицъ.

Посредствомъ пословицы человѣкъ нѣсколькими словами опредѣляетъ очень многое и содержательное. Русскія пословицы отличаются глубокой содержательностью, въ нихъ заключена большая доля мудрости и философіи, сочиненной самимъ народомъ. Это весьма занимательное явленіе въ психологіи русскаго народа въ частности и человѣчества вообще.

Пояснить пословицы и добавлять ихъ не нужно, ибо получится что-то напускное, какъ говоритъ Даль. Достаточно просмотрѣть книгу Даля о русскихъ пословицахъ, поговоркахъ, прибауткахъ, простобайкахъ и т. д., чтобы убѣдиться въ правильности сказанного. Здѣсь вы найдете сотни и даже тысячи пословицъ, посвященныхъ понятіямъ о Богѣ, о судьбѣ, о радости, нерадѣніи и обо всѣхъ проявленіяхъ жизни.

Вотъ въ этихъ пословицахъ нужно искать духовную сокровищницу русскаго народа — эти пословицы доказываютъ, что

духовныя переживанія русскаго народа могутъ равняться и превосходить духовный уровень какого угодно цивилизованнаго народа. И въ этихъ пословицахъ можно найти связующее начало всего русскаго народа, т. е. то, что издавна хранить народъ въ глубинахъ души. Очень много сходныхъ пословицъ и поговорокъ великорусскихъ и нашихъ. Напримѣръ:

„Всякая небылица въ три года пригодится“.

„Сильна Божья рука“.

„Богъ далъ, Богъ взялъ“.

„Его самъ Богъ покаралъ“.

„Безъ Бога ни до порога“.

„Господня воля — наша доля“.

Здѣсь мы можемъ отмѣтить и лексикальную связь, ибо встрѣчаемъ слова, коихъ не употребляетъ образованный человѣкъ, напр., „покаралъ“, или же въ слѣдующихъ пословицахъ: „Ни хитру, ни горазду, ни убогу, ни богату суда Божьяго не миновать“, „Не носи домашнихъ счетовъ въ люди, не сплетничай, не баламуть“, „Пословица ведется, какъ избавѣникомъ метется“. Потомъ еще очень много такихъ словъ, напримѣръ, „гуторить“, часто находимъ въ нѣкоторыхъ великорусскихъ былинахъ.

Интересно и то, какъ простой народъ реагировалъ въ свое время на баръ, которые относились къ нему съ презрѣніемъ. Напримѣръ, въ русскихъ паркахъ можно было встрѣтить надпись: Солдатамъ входить воспрещается; собакъ не водить. Въ русской пословицѣ мы находимъ: „Скормничаютъ баре да собаки“.

Такимъ образомъ, мы указали, какъ цѣнить русскій народъ значеніе и смыслъ

пословицы, ибо послѣднія передавались изъ устъ въ уста, дополнялись и всегда жили среди народа и при удобномъ случаѣ произносились. Сходство и общность пословицъ служитъ тоже доказательствомъ единства русского народа, ибо какъ былины были перенесены на сѣверъ съ юга, такъ и пословицы живутъ дольше въ устахъ народа, хотя уходятъ изъ центра.

Ю. Г.

Янъ Неруда.

Первый чешскій урокъ.

— Послушай-ка, въ Старомъ городѣ профессоръ Коубекъ учить по-чешски, я тамъ вчера былъ, — сказалъ мнѣ мой товарищъ первоклассникъ. — Пойдемъ туда сегодня вмѣстѣ.

— По чешски! Вотъ странно! Хорошо! Еще бы не было хорошо, когда въ церковно-приходской и въ начальной школѣ былъ только этотъ противный, непонятный нѣмецкій языкъ, на которомъ нѣть радости ни учиться, ни читать, ни пѣсни пѣть, въ то время, какъ Мелюзина или Фортуна по-чешски, наоборотъ, замѣчательно интересны! И къ тому же еще цѣлый урокъ по-чешски! Я вообразилъ себѣ его такъ, какъ бывало иногда вечеромъ мы съ матерью и отцомъ пѣли „Я уже довольно работалъ“, „Почему, Марія, почему ты такъ горюешь?“ или другую какую-нибудь пѣсню, во время которой можно было такъ сладко, жалобно поплакать. А когда мой альтовый голосокъ начиналъ прерываться отъ скорбныхъ всхлипываній, то и отцовскій теноръ дѣгался глуше, губы матери тряслись, а изъ глазъ ея — ахъ, чешскій урокъ навѣрное былъ прекрасенъ!

Я едва-едва дождался половины одиннадцатаго часа, которымъ въ то время кончалось утреннее ученіе. Изъ школы я бѣжалъ домой бѣгомъ, чтобы выпросить у родителей позволеніе и наполнить карманы полдневнымъ провіантомъ. Коубекъ читалъ отъ двѣнадцати до часу, а потому мы, съ верха Малой стороны, должны были торопиться, даже если бы у насъ и не было вполнѣ естественнаго нетерпѣнія.

По мокрому снѣгу шлепали мы къ Старому городу въ Клементинумъ. Передъ входомъ въ бывшую „физику“ мы остано-

вились. — Вотъ здѣсь учать по-чешски, — сказалъ товарищъ и осторожно открылъ двери. Аудиторія была пуста. — Ну, идемъ, мы пришли на четверть часа раньше!

Мы вошли. Обширное, пустое помѣщеніе и его тихіе своды произвели на меня впечатлѣніе храма и я на цыпочкахъ шелъ за своимъ товарищемъ, тяжелые шаги котораго казались мнѣ почти неприличными. Школьные принадлежности, необходимыя намъ для послѣобѣденныхъ занятій, мы положили на первую парту у кафедры. Я разглядывалъ три ряда скамеекъ и мысленно удивлялся, сколько же здѣсь учениковъ?

Изъ желѣзной раскаленной печки раздался веселый трескъ, это былъ единственный громкій звукъ, такъ какъ мы рѣшились говорить только шопотомъ.

— Иди погрѣться къ печѣ, — посовѣтовалъ товарищъ и пошелъ впередъ. Я считалъ это дерзостью, но все-таки послѣдовалъ его примѣру, такъ какъ боялся остаться за партой одинъ.

— Здѣсь всѣмъ говорятъ „господинъ“, — объясняль онъ мнѣ у печки, — если профессоръ будетъ съ нами разговаривать, то и намъ скажетъ тоже „господинъ“. — Я даже задрожалъ.

Вдругъ звякнула ручка и заскрипѣли двери; вошелъ первый слушатель Коубка, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати. Мы быстро бросились на свои мѣста; но онъ только равнодушно посмотрѣлъ на нась и усѣлся гдѣ то сзади. За нимъ пришелъ другой, третій, четвертый, всѣ они были хотя и молодые, но уже мужчины. Съ какимъ почтеніемъ я относился къ своему учителю первого класса, а вѣдь онъ былъ только учителемъ мальчиковъ. А что же

здѣсь, когда это учитель молодыхъ людей!

Пробило двѣнадцать часовъ, съ по-
слѣднимъ ударомъ отворилась снова дверь
и вошелъ Коубекъ.

— Это онъ, — слышится около меня
шепотъ. Всѣ встали. Коубекъ взошелъ на
кафедру.

— Пожалуйста, господа, садитесь. — А
намъ учитель всегда только приказывалъ
— *Niedersetzen!*

Потомъ онъ раздѣлся, разматривая
въ то же время своими ясными и привѣт-
ливыми глазами кучку своихъ слушателей
— учившихся въ Чехіи въ 1846 г. чешскому
языку было едва двадцать человѣкъ. Я
сразу же полюбилъ Коубка, но все- таки
побаивался, что онъ намъ что-нибудь ска-
жетъ и можетъ быть даже назоветъ насъ
„господинъ“...

Коубекъ сѣлъ; отряхнувшись комиче-
скимъ движеніемъ, точно желая сбросить
съ себя остатки холода, онъ посмотрѣлъ
на насъ. Очевидно, наши маленькия особы
его нѣсколько заинтересовали.

— Прежде, чѣмъ начать, — прогово-
рилъ Коубекъ, — я долженъ поблагодарить
господина Гартмана за его прекрасное со-
браніе чешскихъ пословицъ, которое онъ
подалъ мнѣ позавчера. Я прочелъ его очень
внимательно и долженъ признаться, что
нашелъ въ немъ кое-что новое для себя.
Мы будемъ вамъ, господинъ Гартманъ,
очень благодарны, если вы будете продол-
жать въ томъ же духѣ. — Онъ слегка по-
клонился. Съ парты всталъ молодой че-
ловѣкъ и поклонился ему тоже.

— Сегодня мы будемъ только практи-
чески повторять все то, что мы учили въ
послѣднее время. Ни у кого изъ васъ, гос-
пода, нѣтъ желанія написать что-нибудь
на доскѣ? — Нѣтъ, не вы, г-нъ Гартманъ,
а вотъ г-нъ, который сидитъ рядомъ съ
вами. — Кто-то вышелъ, поднялся на сту-
пеньку и сталъ писать предложенія, кото-
рыя диктовалъ Коубекъ. Мы писали тоже.
Потомъ Коубекъ поправлялъ и объяснялъ,
мы тоже поправляли и, по правдѣ сказать,
это дало намъ много работы.

— Видишь, вотъ эту черточку надъ а
я правильно поставилъ, — шепталъ мнѣ
мой товарищъ. Какъ я завидовалъ этой его
черточкѣ!

Потомъ ужъ я надъ каждымъ а ста-
вилъ черточку.

Диктовка продолжалась около полу-
часа. Вода, набравшаяся дорогой въ мои
разорванные ботинки, мѣшала мнѣ и это,
навѣрное, было ясно видно по мнѣ, пото-
му что Коубекъ, пріостановившись на ми-
нутку, сказалъ:

— Что это тамъ дѣлаетъ тотъ самый
маленький господинъ? — Я вздрогнулъ. —
Что вамъ мѣшаетъ? — спросилъ онъ
опять.

— Бута, — говорю я стыдливо.

— Бута, бута, — смѣется Коубекъ. —
А какъ бы вы сказали, если бы вы уда-
рили кого-нибудь *mit dem Stiefel?* Ну, я
его ударилъ...

— Ботой.

— Хорошо. Вотъ видите, господа, какъ
врождены у настоящаго чеха правила его
родного языка.

Значить, я былъ настоящій чехъ и
что-то у меня было врожденно.

— Я, господа, принесъ вамъ чешскій
переводъ эпилога къ „Кавказскому плѣн-
нику“ Пушкина. Я вамъ его прочту! — И
онъ началъ читать.

Хотя я не понималъ связи, а ловилъ
лишь отдѣльные слова, но то, что я слы-
шалъ, казалось мнѣ такъ возвыщенно пре-
краснымъ, что я бы безъ устали могъ дол-
го, долго слушать его. Вокругъ меня какъ
будто летали и звучали серебряные звуки!

— Ну, что-же, развѣ это не насто-
ящій тріумфъ поэзіи? — закончилъ Коу-
бекъ и всталъ. Я не зналъ, что значитъ
„тріумфъ поэзіи“, но это врѣзалось мнѣ
въ память на всю жизнь.

Коубекъ вышелъ впередъ, мы шли за
нимъ. У двери онъ остановился съ Гарт-
маномъ. Когда я проходилъ мимо него,
онъ взялъ меня за руку.

— Откуда вы?

— Съ Малой Стороны.

— Въ Прагѣ родились?

— Да.

— И воспитывались?

— Да.

— Пражанинъ и ходить на чешскія
лекції? Ну, прекрасно, приходите только
чаще! Съ Богомъ!

Я уходилъ счастливый. Послѣ обѣда,
въ школѣ, я былъ очень разсѣянъ. Я не
понималъ ни слова изъ того, что тамъ го-
ворилось. Къ Коубку я ходилъ часто. Чте-
ніе чешскихъ стиховъ пробудило во мнѣ

увѣренность, что чешскій языкъ „самый красивый на свѣтѣ“.

Черезъ два года, въ 1848 г., чешскій языкъ былъ введенъ и въ малостранской гимназіи. Тамъ я пережилъ свой „второй первый“ чешскій урокъ.

Франтишекъ Болеславъ Квѣтъ при-

шелъ на урокъ въ бѣлой манишкѣ, во фракѣ и бѣломъ жилетѣ. Такъ элегантно не представлялся намъ еще ни одинъ учитель. Мы были чрезвычайно горды своимъ учителемъ чешскаго языка и убѣждены, что чешскій языкъ не только самый красивый, но и самый элегантный.

Переводъ Б. П.

Р. Г. Бернштейнъ:

Антонычъ.

(Разсказъ):

На бульварѣ „Шенцли“ публики было мало. Восемь часовъ вечера (время ужина въ гостинницахъ и въ семьяхъ бернскихъ обывателей) обыкновенно бываютъ на „Турмглокѣ“ при почти полномъ безлюдь на улицахъ Берна. Августовскіе сумерки быстро темнѣли, наступала ночь. Одна за другой зажглись на небѣ звѣзды, а на вершинѣ Гуртена появились огоньки.

— Вы не русскій ли? — внезапно обратился ко мнѣ сосѣдъ по скамейкѣ, старикъ лѣтъ 52-хъ, во френчѣ и въ шароварахъ, съ высокими солдатскими сапогами.

Фонарь въ двухъ шагахъ отъ нашей скамейки слабо освѣщалъ лицо моего сосѣда, но, оглянувшись на него, я замѣтилъ тусклый взглядъ свѣтло-сѣрыхъ глазъ и всклокоченную сѣдую бородку.

Мы разговорились. Узнавъ, что это бывшій матросъ, я пригласилъ его закусить въ ресторанѣ Бубенгофъ.

— Признаться, со вчерашняго дня ничего не ъѣлъ, — заявилъ мой собесѣдникъ, жадно глотая бутербродъ съ сыромъ и поспѣшно запивая пивомъ.

— И то правду сказать, радъ новому человѣку, потому какъ со всѣми я здѣсь ужъ расплевался. Потому нѣтъ правды на землѣ. Въ 1905 году еще, когда на дѣйствительной службѣ былъ, поваромъ работалъ на „Потемкинѣ“. Какъ вы образованный человѣкъ, много говорить не приходится. Знаете всю исторію. Взбунтовались, потому ради студентовъ, значитъ, за свободу. Жизнью, можно сказать, рисковалъ, жену съ груднымъ младенцемъ оставилъ на Корабельной слободкѣ. Небось Севастополь знаете? Вотъ потомъ по заграницамъ

сталъ шататься. Въ Бернѣ съ 1906 года поваромъ сталъ въ русской студенческой столовкѣ. Такъ первое время ничего было, хорошо, потомъ вижу, хоть и демократами себя называютъ, а я имъ не товарищъ. Межъ собою по ученому спорять, умныя слова говорятъ, а я имъ только поваръ. Свариши обѣдъ, придетъ дежурный студентъ или студентка, разольютъ по тарелкамъ, понесутъ въ залъ столовки и мало мнѣ вниманія. Вотъ одинъ разъ, какъ устроили они, значитъ, балъ, все честь честью, и швейцарцы приглашены, пошелъ и я. „Вашъ билетъ“, кричитъ мнѣ студентъ что за кассой, а я говорю: „На билетъ деньги нужны, а я поваръ, человѣкъ рабочій,пустите такъ“. „Нельзя“, говоритъ, „потому какъ съ благотворительной цѣлью и всѣ должны выправить билетъ“. „Да я“, говорю, „человѣкъ небогатый“. „Все равно“, говоритъ, „безъ билета нельзя пущать“. „Я“, говорю, „за студенческое дѣло всю жизнь себѣ испортилъ, на „Потемкинѣ“ для васъ взбунтовался, дезертиромъ на всю жизнь“, говорю, „изъ-за васъ задѣлался“. Ему ни по чемъ. Плюнуль я и ушелъ. И какъ на зло встрѣлъ Митьку, тоже сорвиголова. Митьку не знавали? Да и вправду не могли знать его. А хороший парень былъ, царствіе ему небесное. Такъ этотъ Митька, Дмитрій Федоровичъ Шеваковъ, въ 1905 году вахмистромъ гусарскаго полка попался за храненіе прокламацій. Посадили его, раба Божія, на гауптвахту до судебнаго разбирательства, а соціалисты его высвободили изъ тюрьмы и за границу сплавили. Тутъ онъ, покойникъ, пришелъ съ чужимъ пачпортомъ; самъ настоящій

ярославскій мужикъ, а по пачпорту Мойша Лейбовичъ Кацъ. Нашелъ здѣсь работу по столярному дѣлу. И вотъ, какъ ушелъ я съ бала, Митьку встрѣль, говорю, такъ и такъ. „Сволочь“, говоритъ, „мы за нихъ зря, можно сказать, жизнь себѣ испортили, пойдемъ выпьемъ и ну ихъ къ...“ Пошли мы въ кабакъ, выпили, идемъ домой, а Митька вдругъ мнѣ и говоритъ: „Нѣтъ, Антонычъ, такъ это дѣло нельзя оставить, мы не послѣдняя дрянь, чтобы съ нами такъ, идемъ“. Пошли... Приходимъ на балъ, опять кассиръ ту же самую волынку: „Ваши билеты“, словно кондукторъ въ поѣздѣ. Осерчалъ Митька, я тоже. Сначала кассира по уху, потомъ кассу перевернули, сбѣжались кавалеры и барышни въ бѣлыхъ ботиночкахъ, скандалъ, кутерьма! Послали за полиціей. „Вотъ тебѣ и Кузькина мать“, говорю, „хороши соціалисты, за полиціей, а какъ я за васъ кровь на «Потемкинѣ» проливалъ, полицію, небось, не звали?“ Ну, протоколь за нарушеніе порядка, потомъ судъ, потомъ я два дня, Митька три. Отсидѣли... Съ той поры потерялъ мѣсто въ студенческой столовкѣ, въ гостиницѣ мѣсто получилъ. Такъ до 1917 года и жилъ, припѣваючи. Тоска по дому, а письма не писалъ. Стыдно было писать, потому какъ съ другой семьей связался. Вотъ вы образованный человѣкъ, а не случалось вамъ, что сдѣлаете что нибудь и передъ самимъ собой ровно не вы это, а другой сдѣлалъ, и не знаете, зачѣмъ. И ругаешь себя, и пьешь съ горя, и не хотѣлъ, а сдѣлалъ. Словно какъ два человѣка въ тебѣ сидятъ; одинъ сдѣлалъ, а другой не хотѣлъ, а передъ своей совѣстью отвѣчай за обоихъ. Вотъ въ 1917 году слухъ прошелъ, въ Россіи свобода, республика, царя нѣтъ, всѣмъ прощеніе старыхъ грѣховъ. Туда-сюда, нельзяѣ їхать, нѣтъ дороги. А охота разбираеть, двѣнадцать лѣтъ не видѣлъ родины. Потомъ стали говорить, можно їхать черезъ Германію съ Ленинымъ; Ленинъ, моль, вагонъ зафрахтовалъ. А Митька, царствіе ему небесное, говоритъ: „Нѣтъ, такъ не надо, это измѣнники“. „Полно тебѣ вздоръ городить, какие измѣнники революціонеры“, говоритъ. А онъ: „Измѣнники да измѣнники. Ты“, говоритъ, „Антонычъ, не товарищъ мнѣ, коли съ ними поїдешь“. „Какой тебѣ чертъ“, говоритъ, „наговорилъ, можетъ студентъ какой нибудь? Обидѣлся Митька. „Я“, говоритъ, „въ студентахъ не

нуждаюсь, у меня своя голова, я головой понимаю это дѣло, а ты какъ хочешь“. Подумалъ я подумалъ, ужъ больно любиль я Митьку, царствіе ему небесное. И не поѣхалъ. „Идемъ“, говорю, „Митька, выпьемъ, потому какъ до сей поры все выходило правильно, какъ ты говорилъ“. А въ ту зиму Митька померъ. Ни за понюшку табаку пропалъ, разрѣзalъ руку пилой, стала рука пухнуть, слегъ въ больницу да въ три дня Богу душу отдалъ. Пришла весна 1918 года, а меня пуще прежняго на родину тянетъ. И то сказать, безъ Митьки не жизнь, ровно какъ въ пустынѣ. Вотъ о ту пору услыхалъ, что изъ Тріеста пароходъ во Владивостокъ идетъ. Собрался я въ Тріестъ, на пристань, бухъ въ ноги капитану, „возьми“, говорю, „хоть кухоннымъ мужикомъ“. Взялъ. Пріѣхали во Владивостокъ, совѣтская власть еще тамъ держалась. Мобилизовали и послали противъ атамана Семенова сражаться. Потомъ лѣтомъ сбросили совѣтскую власть, мобилизовали бѣлые. У Челябинска попалъ въ плѣнъ къ краснымъ, потомъ поваромъ у Троцкаго въ поѣздѣ задѣлался. За пьянство прогнали, въ Кронштадтъ матросомъ загнали. А въ то время еще очень любили ребята Ленина; „за него“, говорятъ, „за Ильича въ огонь и въ воду“. А только какъ увидѣли, что одна брехня, никакой свободы, да люди голодные кругомъ ходятъ, да Христа ради у нашего брата, матроса, просять, такъ, можно сказать, одинъ за другимъ стали совѣтскую власть промежъ себя къ чертовой матери. А все тайкомъ, чтобы политкомъ не услышалъ, знаете, небось, кто политкомомъ прозывался? Слово какое услышитъ, донесетъ, анъ, гляди, послѣ вечерней повѣрки зовутъ раба Божія въ канцелярію, а потомъ, гляди, и нѣтъ его. Куда пропалъ, не знаемъ. Такъ съ нашего крейсера за одинъ девятнадцатый годъ пропало безъ вѣсти пятнадцать мальчиковъ. Весной двадцать первого года начали ребята со всѣхъ крейсеровъ и броненосцевъ шушукаться. Меня тоже два раза ораторомъ поставили, „потому“, говорятъ, „ты, Антонычъ, въ чужихъ странахъ жилъ, можешь и слово держать“. Вотъ я имъ все сказывалъ, про Швейцарію, значитъ, какая есть настоящая свобода и прочее. И свобода безъ хлѣба, говорю, не свобода: и хлѣбъ безъ свободы не хлѣбъ, говорю; а коли, говорю, ни свободы, ни хлѣба, то это

уже послѣднее дѣло. Ну и порѣшили. Въ тотъ же вечеръ всѣхъ политкомовъ заарестовали и началось возстаніе. Небось, въ газетахъ читали кронштадтское возстаніе? Дальше все знаете. Кого на Соловки, кого къ стѣнкѣ. Троцкій шутить не любить. А я съ тремя товарищами подался на яликъ въ Швецію. Думалъ, думалъ и придумалъ: лучше всего опять въ Швейцарію, въ Бернъ. Опять мѣсто повара получилъ. Но мой характеръ вамъ уже извѣстенъ, если со вниманіемъ слушали мой разсказъ. Стали товарищи-швейцарцы попрекать, ты, молъ, измѣнникъ, революціи измѣнилъ, міровой пролетаріатъ тебѣ ни по чемъ. Врете, говорю, не измѣнилъ, намъ измѣнили. И, значитъ, рассказываю имъ ситуацію, какъ сви-

дѣтель, какъ видѣлъ самъ. „Врешь“, говорятъ, „это капиталисты распространяютъ клевету на рабочій классъ“. А я имъ говорю, рабочій классъ не при чемъ, потому мошенники - коммунисты захватили власть надъ рабочимъ классомъ и все подробно объясняю. Не вѣрятъ. Такъ, можно сказать, три года попрекали, никуда я явиться не могъ, все попреки. Вотъ на прошлой недѣлѣ кельнеръ въ кухнѣ сталъ спорить о политикѣ, да вдругъ и говоритъ: „Теперь я все знаю, ты агентъ“. Какъ я такое услышалъ, кровь мнѣ въ голову ударила, уронилъ кастрюлю на полъ и трахъ его по мордѣ разъ и два. Прибѣжалъ оберъ-кельнеръ, а я и его. Вотъ теперь безъ мѣста. Нѣтъ, говорю вамъ, нѣтъ правды на землѣ.

Ив. А. Оринчай.

Домой.

Комната, въ которой жилъ Иванъ Ал. Робкій, была маленькая и находилась въ четвертомъ этажѣ. Единственное ея окошко открывалось на востокъ. Убранство комнаты не претендовало на особый комфортъ. Вся ея мебель состояла изъ ветхой деревянной кровати, для которой Богъ вѣсть когда дала хозяйка свѣжую солому. Напротивъ кровати стариkъ-шкафъ, на который опирался покрытый линолеумомъ столикъ. Передъ столикомъ стулъ временъ рококо, въ лѣвомъ углу у окна умывальникъ, надъ которымъ, какъ особое украшеніе, находилось зеркало. Причесываться передъ нимъ не такъ то легко: амальгама его несетъ слѣды нѣсколькихъ десятилѣтій въ видѣ значительного количества островковъ отъ плесени. Къ тому же оно обращено прямо къ дверямъ, такъ что на вошедшаго въ первый разъ сюда дѣйствуетъ какъ изображеніе какой то сложной географической карты. На столикѣ маленькая керосиновая лампа. Въ Прагѣ вообще во многихъ семьяхъ свѣтятъ керосиномъ, такъ какъ провести электричество въ квартиру стоитъ дорого. (А если вы это и сдѣлали, то послѣ вашего отъѣзда вамъ эти деньги никто не вернетъ). По этой причинѣ значительная часть обывателей нашего столичнаго города до сихъ поръ не можетъ перемѣститься въ вѣкъ электричества, сохраняя

тѣмъ одновременно и старинный, патріархальный характеръ Праги. Наконецъ, нельзя не упомянуть также о двухъ очень непріятныхъ обстоятельствахъ, связанныхъ съ этой комнаткой: зимой морозъ, а лѣтомъ мухи.

На Подкарпатской Руси морозы всегда бываютъ сильные, потому Иванъ къ нимъ привыкъ; но къ мухамъ онъ привыкнуть никогда не могъ. Мухи являются самыми отвратительными насѣкомыми въ мірѣ. Примириться съ ихъ существованіемъ невозможно. И какъ бы человѣкъ ихъ не губилъ, — все напрасно. Чистый воротничекъ нельзя положить на столъ, потому что моментально на немъ появится нѣсколько скверныхъ, черныхъ точекъ. Пфуу! И вотъ съ этой то квартирой Иванъ сегодня разстается навсегда. Сложивъ всѣ свои вещи въ чемоданъ, какъ дѣлалъ это всегда въ концѣ учебнаго года, онъ вытеръ его еще мокрой тряпочкой и положилъ на кровать.

Все готово, — подумалъ онъ, взглянувъ на часы. До поїзда оставалось еще болѣе двухъ часовъ. Иванъ открылъ окно и, медленно прохаживаясь, закурилъ папиросу. День близился къ концу. Огненный кругъ солнца величественно катился къ западу и мало по-малу скрывался за высокими, закопченными дымомъ, домами Праги.

уже послѣднее дѣло. Ну и порѣшили. Въ тотъ же вечеръ всѣхъ политкомовъ заарестовали и началось возстаніе. Небось, въ газетахъ читали кронштадтское возстаніе? Дальше все знаете. Кого на Соловки, кого къ стѣнкѣ. Троцкій шутить не любить. А я съ тремя товарищами подался на яликѣ въ Швецію. Думалъ, думалъ и придумалъ: лучше всего опять въ Швейцарію, въ Бернъ. Опять мѣсто повара получилъ. Но мой характеръ вамъ уже извѣстенъ, если со вниманіемъ слушали мой разсказъ. Стали товарищи-швейцарцы попрекать, ты, молъ, измѣнникъ, революціи измѣнилъ, міровой пролетаріатъ тебѣ ни по чемъ. Врете, говорю, не измѣнилъ, намъ измѣнили. И, значитъ, рассказываю имъ ситуацію, какъ сви-

дѣтель, какъ видѣлъ самъ. „Врешь“, говорять, „это капиталисты распространяютъ клевету на рабочій классъ“. А я имъ говорю, рабочій классъ не при чемъ, потому мошенники - коммунисты захватили власть надъ рабочимъ классомъ и все подробно объясняю. Не вѣрятъ. Такъ, можно сказать, три года попрекали, никуда я явиться не могъ, все попреки. Вотъ на прошлой недѣлѣ кельнеръ въ кухнѣ сталъ спорить о политикѣ, да вдругъ и говоритъ: „Теперь я все знаю, ты агентъ“. Какъ я такое услышалъ, кровь мнѣ въ голову ударила, уронилъ кастрюлю на полъ и трахъ его по мордѣ разъ и два. Прибѣжалъ оберъ-кельнеръ, а я и его. Вотъ теперь безъ мѣста. Нѣтъ, говорю вамъ, нѣтъ правды на землѣ.

Ив. А. Оринчай.

Домой.

Комната, въ которой жилъ Иванъ Ал. Робкій, была маленькая и находилась въ четвертомъ этажѣ. Единственное ея окошко открывалось на востокъ. Убранство комнаты не претендовало на особый комфортъ. Вся ея мебель состояла изъ ветхой деревянной кровати, для которой Богъ вѣсть когда дала хозяйка свѣжую солому. Напротивъ кровати стариkъ-шкафъ, на который опирался покрытый линолеумомъ столикъ. Передъ столикомъ стулъ временъ рококо, въ лѣвомъ углу у окна умывальникъ, надъ которымъ, какъ особое украшеніе, находилось зеркало. Причесываться передъ нимъ не такъ то легко: амальгама его несетъ слѣды нѣсколькихъ десятилѣтій въ видѣ значительного количества островковъ отъ плесени. Къ тому же оно обращено прямо къ дверямъ, такъ что на вошедшаго въ первый разъ сюда дѣйствуетъ какъ изображеніе какой то сложной географической карты. На столикѣ маленькая керосиновая лампа. Въ Прагѣ вообще во многихъ семьяхъ свѣтятъ керосиномъ, такъ какъ провести электичество въ квартиру стоитъ дорого. (А если вы это и сдѣлали, то послѣ вашаго отъѣзда вамъ эти деньги никто не вернетъ). По этой причинѣ значительная часть обывателей нашего столичнаго города до сихъ поръ не можетъ перемѣститься въ вѣкъ электичества, сохраняя

тѣмъ одновременно и старинный, патріархальный характеръ Праги. Наконецъ, нельзя не упомянуть также о двухъ очень непріятныхъ обстоятельствахъ, связанныхъ съ этой комнаткой: зимой морозъ, а лѣтомъ мухи.

На Подкарпатской Руси морозы всегда бываютъ сильные, потому Иванъ къ нимъ привыкъ; но къ мухамъ онъ привыкнуть никогда не могъ. Мухи являются самыми отвратительными насѣкомыми въ мірѣ. Примириться съ ихъ существованіемъ невозможно. И какъ бы человѣкъ ихъ не губилъ, — все напрасно. Чистый воротничекъ нельзя положить на столъ, потому что моментально на немъ появится нѣсколько скверныхъ, черныхъ точекъ. Пфуу! И вотъ съ этой то квартирой Иванъ сегодня разстается навсегда. Сложивъ всѣ свои вещи въ чемоданъ, какъ дѣлалъ это всегда въ концѣ учебнаго года, онъ вытеръ его еще мокрой тряпочкой и положилъ на кровать.

Все готово, — подумалъ онъ, взглянувъ на часы. До поїзда оставалось еще болѣе двухъ часовъ. Иванъ открылъ окно и, медленно прохаживаясь, закурилъ папиросу. День близился къ концу. Огненный кругъ солнца величественно катился къ западу и мало по-малу скрывался за высокими, закопченными дымомъ, домами Праги.

Какъ бы пламенемъ охваченный горизонтъ постепенно мѣнялъ и терялъ краски. Золотисто-розовыя облачки медленно плыли съ юга на востокъ. Къ востоку обратились и мечты нашего Ивана. Тамъ его родина. Тамъ далеко на востокѣ стоитъ избушка — его родной домикъ, — передъ которымъ журчить потокъ сладкую пѣснь, пѣснь русскую, пѣснь его матери родной.

Задумался онъ и не замѣтилъ, какъ все кругомъ скрывалось въ голубомъ туманѣ вечера. Стемнѣло. По улицамъ разбѣжались электрические и газовые огоньки. День кончился, а съ этимъ днемъ кончился и пятый годъ студенческихъ лѣтъ Ивана, сегодня ставшаго абсолвентомъ медицинскаго факультета на Карловомъ университѣтѣ. Приближалась пора отѣзда.

Иванъ взялъ въ руки чемоданъ и вышелъ на улицу, гдѣ сѣлъ въ трамвай по направленію къ вокзалу Вильсона. На вокзалѣ было шумно. Съ чемоданами въ рукахъ бѣгали пассажиры возлѣ поѣзда изъ вагона въ вагонъ, чтобы получше устроиться въ далекій путь. Нѣкоторые изъ нихъ должны были щѣхать больше тысячи километровъ. Это касалось тѣхъ, кто щѣхалъ на Карпатскую Русь. Между множествомъ другихъ появилась фигура молодого человѣка, лѣтъ двадцати трехъ, средняго роста. Въ его черныхъ сверкающихъ глазахъ свѣтилась энергія и избытокъ жизненныхъ силъ. Какъ уголь черные, гладко причесанные волосы красиво окаймляли его высокій лобъ. Хорошо формированный, широковатый носъ сидѣлъ надъ симметричнымъ полнымъ ртомъ. Вступивши на перронъ, онъ не принялъ участія въ суетѣ остальныхъ пассажировъ. Положивъ свой чемоданъ, онъ вынулъ изъ своего спортивнаго костюма чистенькій платокъ и, утирая вспотѣвшее чело, смотрѣлъ во всѣ стороны съ вопросительнымъ выраженіемъ въ лицѣ. Мрачное выраженіе его лица вскорѣ прояснилось, когда онъ замѣтилъ толпу молодыхъ студентовъ, приближающихся къ нему съ шумомъ веселаго говора, наполненного разнообразными шутками. Приблизившись къ нему, почти всѣ разомъ вскрикнули:

— Здравствуй, Ваня!

-- Здорово, ребята, — отвѣтилъ Иванъ своимъ чистымъ, звонкимъ голосомъ. — Я немножко опоздалъ. Есть ли мѣсто въ поѣздѣ?

— Да у насъ у всѣхъ хорошія мѣста. И о тебѣ мы не забыли. Поѣдешь вдвоемъ съ однимъ жандармомъ въ купѣ. Цѣлая скамья въ твоемъ распоряженіи, можешь цѣлую ночь спать, — сказалъ одинъ изъ нихъ.

Между тѣмъ самый младшій взялъ чемоданъ Ивана со словами:

— Иди, Ванюша, я помогу тебѣ.

Усмѣхнувшись, Иванъ показалъ оба ряда какъ снѣгъ бѣлыхъ зубовъ, взялъ свой чемоданъ и отправился со своими коллегами къ указанному вагону, на которомъ висѣла бѣлая вывѣска съ надписью „Прага-Ясіня“. Всѣ вошли въ этотъ вагонъ. Устроившись въ свое мѣсто, Иванъ познакомился съ жандармомъ, щавшимъ съ нимъ на Подкарпатскую Русь. Жандармъ, чехъ, по имени Стрнадъ, былъ блондинъ, мужчина высокаго роста, атлетическаго тѣлосложенія, произвелъ на Ивана хорошее впечатлѣніе, и казалось, что Иванъ ему тоже понравился съ первого взгляда. Послѣ короткаго разговора, связаннаго съ церемоніями обыкновеннаго представленія, Иванъ отошелъ къ открытому окну. Вскрѣпъ поѣздъ двинулъся. Электрическіе фонари замигали быстро одинъ за другимъ, оставаясь за поѣздомъ. Черезъ нѣсколько минутъ открылась вдали ночная панорама Праги, въ видѣ безконечнаго множества блестящихъ точекъ, отъ которыхъ на значительную высоту озарялся ночной горизонтъ. Иванъ долго смотрѣлъ на эту дивную картину, вспоминая пріятные моменты, пережитые въ теченіе учебныхъ лѣтъ въ этомъ миломъ для него городѣ. Поѣздъ быстро вѣхалъ въ туннель. Непріятный запахъ дыма заставилъ Ивана на короткое время закрыть окно. Туннель закрылъ картину ночной Праги. По обѣимъ сторонамъ отъ желѣзной дороги росъ небольшой сосновый лѣсокъ, близость котораго наполняла воздухъ пріятнымъ ароматомъ. Была прекрасная лѣтняя ночь. Серебряный кругъ полной луны и множество разсѣянныхъ на темно-синемъ небѣ звѣздъ ярко освѣщали край. Ритмическій стукъ колесъ поѣзда далеко разносился въ ночной тишинѣ.

Кто то положилъ руку на Иваново плечо. Обернувшись, онъ увидѣлъ своего друга Андрея Васильевича Карабкина, филолога. Карабкинъ ростомъ мало отличался отъ Ивана. Его свѣтлые волосы блестѣли при сильномъ свѣтѣ электрической

лампы, какъ золото. Андрей быль типомъ восточного славянина. Синеватые глаза его имѣли особенное, какъ бы мистическое выраженіе. Ко всему онъ относился съ извѣстной долей критицизма. Бывалъ онъ, обыкновенно, очень важнымъ, но умѣлъ обращаться и въ веселомъ обществѣ. Его шутки были оригинальны и остроумны. Съ нимъ можно было поговорить на любую тему и въ каждомъ отношеніи проявлялъ онъ высокую степень интеллигентности. Писалъ онъ и хороше стихи. О политическомъ положеніи на Подкарпатской Руси онъ не хотѣлъ говорить ни съ кѣмъ. Если съ нимъ завели разговоръ о политикѣ, онъ горько улыбался, стянувъ при томъ лѣвый уголь рта, закрывъ правый глазъ и придавъ своей физіономіи выраженіе сильнаго пессимизма, ироніи; только рукой махалъ, какъ бы говоря: оставь, братъ, оставь.

— Что ты, Ваня, такъ задумался, почему не идешь къ намъ? Мы всѣ здѣсь тутъ, — произнесъ Андрей, указавъ на дверь.

— Ничего, Андрюшка. Воспоминанія прошлаго и мечты о грядущемъ сильно занимаютъ мой мозгъ и сердце. Что дѣлаютъ мальчики?

— Ничего. Вася со Степой играютъ въ шахматы, прямо матадоры, а Володя съ Мирономъ помогаютъ то одному, то другому. Настроеніе у всѣхъ превосходное.

Иванъ съ Андрюшой долго еще говорили о студенческихъ дѣлахъ, о поѣздкѣ „Возрожденія“ на Подкарпатскую Русь, о томъ, кто и съ какимъ успѣхомъ сдалъ свой экзаменъ, о несчастной стипенди, которую почти никто изъ насъ не получилъ, но больше всего они увлекались литературными вопросами.

Когда Иванъ вошелъ въ свое купѣ, разставшись съ Андрюшой, сосѣдъ его быль погруженъ въ глубокій сонъ. И Иванъ попытался уснуть, ложась на твердую скамью, но сонъ бѣжалъ отъ него. Въ этомъ одиночествѣ и въ ночной тишинѣ, нарушаемой шумомъ быстро летѣвшаго поѣзда, предстало предъ нимъ бѣдная семья верховинца, карпаторосса, со всѣми ея страданіями и недостатками ея жизненныхъ условій. Въ его представлениі ясно выступила деревянная, соломой крытая избушка, съ тремя маленькими окошками, въ которой на бѣдной кровати лежитъ хозяйка съ нѣсколькими дѣтьми, одѣтыми въ приготовленныя рубашки изъ грубаго полотна, сотканного

мозолистой рукой ихъ бѣдной, старательной матери. Ужиномъ служила имъ навѣрняка сухая картошка или кукурузный „токанъ“ со стаканомъ кислого молока. Онъ представилъ и ихъ грязный дворикъ, съ хлѣвомъ въ углу, въ которомъ корова или старая коза пережевываетъ овсяную солому, оставшуюся въ яслихъ отъ вчерашняго дня. За хлѣвомъ гумно, прорѣзанное небольшимъ рвомъ, для стока изъ хлѣва прямо въ ручей, въ который такимъ образомъ попадаютъ всѣ нечистоты. Въ немъ стираютъ, а иногда и пьютъ и пищу варятъ. Классическая картина, представляющая примѣръ самыхъ примитивныхъ гигиеническихъ условій жизни. Только потому тамъ такъ много ужасныхъ заболѣваній. Ему, какъ медику, было извѣстно, что въ годахъ 1923-1926-хъ отъ брюшного тифа умерло на П. Руси въ двадцать пять разъ больше, чѣмъ въ Англіи (пропорц.). И такъ всѣ инфекціонныя заболѣванія косили жертвы. Не менѣе печальное явленіе — высокая смертность у дѣтей, вслѣдствіе недостаточной гигієни. Иванъ, конечно, и не думалъ приписывать причину этихъ печальныхъ явленій бѣдной карпаторусской матери: бѣдняжка занята дѣтьми, хозяйствомъ и не имѣть возможности читать всякаго рода поучительныя статьи, чтобы умѣла съ дѣтьми обращаться, какъ слѣдуетъ, тѣмъ болѣе, что ея мужъ мало когда бываетъ дома; всю тяжесть семейной жизни несетъ жена почти одна. Вотъ и теперь она сама спитъ дома съ дѣтьми. А мужъ ея Богъ вѣсть въ какомъ лѣсѣ лежитъ, бѣдно одѣтый. Можетъ быть и не ужиналь ничего или, быть можетъ, ужиномъ ему былъ кусокъ овсяного „ощепка“ съ чеснокомъ и стаканъ студеной воды. Имѣлъ ли нѣсколько геллеровъ, онъ, навѣрняка, выпилъ прежде всего стаканчикъ водки. А въ день выплаты денегъ онъ выпилъ, пожалуй, и побольше. Послѣ „ужина“ онъ помолится Богу и, закуривши люльку, ляжетъ на голую землю. Подушка его — бисага (торба). А можетъ быть подъ головой у него камень, прикрытый какой нибудь тряпкой. Огонь возлѣ него помалу гаснетъ и онъ, отложивъ люльку, усыпаетъ.

Много зла приносить и алкоголизмъ, который, къ сожалѣнію, сильно распространенъ среди нашего народа. Алкоголь разрушаетъ клѣтки почти всѣхъ внутреннихъ органовъ тѣла, главнымъ образомъ

печени, почекъ, нервной системы и т. д., ослабляя человѣка физически и духовно. Ослабленный организмъ уже не имѣетъ силъ, необходимыхъ для борьбы на жизненномъ пути за насущный кусокъ хлѣба, легко поддается самymъ незначительнымъ вліяніямъ. А бѣдность, въ которой живетъ нашъ добродушный народъ, есть результатъ недостаточного просвѣщенія, что является слѣдствiemъ алкоголизма и оттуда — ослабленного организма. Это проявляется не только у самого алкоголика, но переходитъ на его потомство изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Много ли природныхъ карпатороссовъ занимаетъ отвѣтственные мѣста въ нашей общественной жизни? Много ли ихъ на государственной службѣ вообще? Мало! Ихъ удѣль и до сихъ поръ: торба, топоръ, цапина, пила и кирка, а имѣетъ ли кусокъ поля, то — плугъ. Слѣды тысячелѣтняго порабощенія носитъ онъ и до сихъ поръ на своихъ плечахъ.

Иванъ, обдумывая тяжелыя жизненные обстоятельства своихъ соотечественниковъ, уснулъ. Ему приснилось, что онъ уже докторъ и ёдетъ домой, гдѣ ему предложено мѣсто окружного врача съ хорошимъ окладомъ. Ему радостно, что онъ не долженъ требовать со своихъ бѣдныхъ братьевъ вознагражденіе за свои труды, ходить между людьми, помогаетъ, гдѣ только можно, устраиваетъ поучительныя лекціи о всемъ, касающемся недостатковъ, существующихъ въ средѣ массъ. Онъ ревностно старается и о томъ, чтобы его поученія не были только фразами. Свои поученія онъ повторяетъ въ каждомъ нужномъ случаѣ. Онъ видитъ, какъ народъ любитъ его, съ какимъ уваженiemъ всѣ къ нему относятся. Всѣ привѣтствуютъ его съ радостной улыбкой на устахъ, съ радостнымъ блескомъ въ глазахъ. Опираясь на свою популярность, спустя нѣсколько лѣтъ онъ настаиваетъ у краевого управления, чтобы въ деревняхъ были построены школы. Правленіе согласно и посыпаетъ въ его округъ первоклассныхъ русскихъ учителей, которые во многихъ отношеніяхъ поддерживаютъ развитіе физическихъ и душевныхъ

качествъ у дѣтей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и уровень жизни ихъ приближается къ такому у культурныхъ сосѣдей. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ выросло новое поколѣніе, которое не захотѣло жить по образцу своихъ угнетенныхъ предковъ. На мѣстахъ старыхъ избушекъ появились новые красивые дома и повсюду прекрасные цвѣты украшали деревню. На людей пріятно было смотрѣть, особенно въ праздничные дни, когда шли въ храмъ. Всѣ, начиная малыми и кончая взрослыми, чисто и нарядно одѣты, весели, съ румяными лицами спѣшатъ помолиться Богу. А Иванъ уже съ сѣдиной на головѣ шелъ тоже между ними медленными шагами, кланяясь всѣмъ налево и направо, чувствуя глубоко въ душѣ удовлетвореніе и благодарность къ тѣмъ, кто помогъ ему, чтобы его работа, идеалы и юныя грэзы о помощи своимъ бѣднымъ братьямъ могли осуществиться. Видя успѣшный результатъ своихъ долголѣтнихъ трудовъ, Иванъ вытеръ нѣсколько радостныхъ слезъ, катившихся по уже морщинистому лицу.

Когда Иванъ проснулся, былъ уже бѣлый день. Его сосѣдъ сидѣлъ у окна и читалъ какой-то журналъ. Рядомъ въ вагонѣ раздавалась волшебная мелодія русской пѣсни, которую играли балалаечники-возвращенцы. Поѣздъ быстро летѣлъ между горами Словакіи. Станція за станціей скрывались вдали.

Иванъ попытался завести со своимъ сосѣдомъ разговоръ, но узналъ только, что онъ живетъ на Подк. Руси уже десять лѣтъ и что ёдетъ онъ въ Ясиню, гдѣ служитъ старшимъ стражникомъ.

Между тѣмъ поѣздъ прибылъ въ Обишивицы, гдѣ нѣкоторые изъ студентовъ остались для пересадки въ поѣздъ на Пряшевскую Русь.

Въ Чопѣ часть коллегъ опять отѣлилась, направляясь въ районъ Ужгорода. Въ Батющевѣ также часть ихъ пересѣла на Мукачевскій поѣздъ, между ними и Иванъ. А остальные продолжали путь къ Берегову и дальше къ Хусту, разлетаясь по милой родинѣ, какъ весеннія птицы.

печени, почекъ, нервной системы и т. д., ослабляя человѣка физически и духовно. Ослабленный организмъ уже не имѣеть силъ, необходимыхъ для борьбы на жизненномъ пути за насущный кусокъ хлѣба, легко поддается самymъ незначительнымъ вліяніямъ. А бѣдность, въ которой живетъ нашъ добродушный народъ, есть результатъ недостаточного просвѣщенія, что является слѣдствиемъ алкоголизма и оттуда — ослабленного организма. Это проявляется не только у самого алкоголика, но переходитъ на его потомство изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Много ли природныхъ карпатороссовъ занимаетъ отвѣтственные мѣста въ нашей общественной жизни? Много ли ихъ на государственной службѣ вообще? Мало! Ихъ удѣль и до сихъ поръ: торба, топоръ, цапина, пила и кирка, а имѣеть ли кусокъ поля, то — плугъ. Слѣды тысячелѣтняго порабощенія носить онъ и до сихъ поръ на своихъ плечахъ.

Иванъ, обдумывая тяжелыя жизненные обстоятельства своихъ соотечественниковъ, уснулъ. Ему приснилось, что онъ уже докторъ и ёдетъ домой, гдѣ ему предложено мѣсто окружного врача съ хорошимъ окладомъ. Ему радостно, что онъ не долженъ требовать со своихъ бѣдныхъ братьевъ вознагражденіе за свои труды,ходить между людьми, помогаетъ, гдѣ только можно, устраиваетъ поучительныя лекціи о всемъ, касающемся недостатковъ, существующихъ въ средѣ массъ. Онъ ревностно старается и о томъ, чтобы его поученія не были только фразами. Свои поученія онъ повторяетъ въ каждомъ нужномъ случаѣ. Онъ видитъ, какъ народъ любить его, съ какимъ уваженiemъ всѣ къ нему относятся. Всѣ привѣтствуютъ его съ радостной улыбкой на устахъ, съ радостнымъ блескомъ въ глазахъ. Опираясь на свою популярность, спустя нѣсколько лѣтъ онъ настаиваетъ у краевого управлени, чтобы въ деревняхъ были построены школы. Правленіе согласно и посыпаетъ въ его округъ первоклассныхъ русскихъ учителей, которые во многихъ отношеніяхъ поддерживаютъ развитіе физическихъ и душевныхъ

качествъ у дѣтей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и уровень жизни ихъ приближается къ такому у культурныхъ сосѣдей. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ выросло новое поколѣніе, которое не захотѣло жить по образцу своихъ угнетенныхъ предковъ. На мѣстахъ старыхъ избушекъ появились новые красивые дома и повсюду прекрасные цвѣты украшали деревню. На людей пріятно было смотрѣть, особенно въ праздничные дни, когда шли въ храмъ. Всѣ, начиная малыми и кончая взрослыми, чисто и нарядно одѣты, весели, съ румяными лицами спѣшатъ помолиться Богу. А Иванъ уже съ сѣдиной на головѣ шелъ тоже между ними медленными шагами, кланяясь всѣмъ налево и направо, чувствуя глубоко въ душѣ удовлетвореніе и благодарность къ тѣмъ, кто помогъ ему, чтобы его работа, идеалы и юныя грэзы о помощи своимъ бѣднымъ братьямъ могли осуществиться. Видя успѣшный результатъ своихъ долголѣтнихъ трудовъ, Иванъ вытеръ нѣсколько радостныхъ слезъ, катившихся по уже морщинистому лицу.

Когда Иванъ проснулся, былъ уже бѣлый день. Его сосѣдъ сидѣлъ у окна и читалъ какой-то журналъ. Рядомъ въ вагонѣ раздавалась волшебная мелодія русской пѣсни, которую играли балалаечники-возрожденцы. Поѣздъ быстро летѣлъ между горами Словакіи. Станція за станціей скрывались вдали.

Иванъ попытался завести со своимъ сосѣдомъ разговоръ, но узналъ только, что онъ живетъ на Подк. Руси уже десять лѣтъ и что ёдетъ онъ въ Ясиню, гдѣ служить старшимъ стражникомъ.

Между тѣмъ поѣздъ прибылъ въ Обишивицы, гдѣ нѣкоторые изъ студентовъ остались для пересадки въ поѣздъ на Пряшевскую Русь.

Въ Чопѣ часть коллегъ опять отѣлилась, направляясь въ районъ Ужгорода. Въ Батїевѣ также часть ихъ пересѣла на Мукачевскій поѣздъ, между ними и Иванъ. А остальные продолжали путь къ Берегову и дальше къ Хусту, разлетаясь по мілой родинѣ, какъ весеннія птицы.

Воспоминанія.

День доторгълъ. Молдава засыпаетъ
Межу высокихъ, свѣтлыхъ береговъ,
Волна волну, какъ друга, подгоняетъ.
Молчитъ просторъ, лишь сердце вспоми-
наетъ

Страну мою, страну забытыхъ сновъ
И тотъ просторъ, гдѣ водны исчезаютъ
Въ лиловый блескъ закатовыхъ лучей.
Любимый край! Тамъ розы разцвѣта-
ютъ

И берегъ Тисы нѣжно украшаютъ
Любимый край родныхъ моихъ полей.
О, родина! О, край мой одинокій,
Какъ не любить твой сумрачный просторъ!
Живя въ чужбинѣ, отъ тебя далеко,
Я слышу зовъ твоихъ родныхъ пророковъ,
Я слышу ихъ завѣтный разговоръ...

Я слышу зовъ моихъ родныхъ ущелій,
И жизнь забытую моей страны.
Среди тоски и горя и веселій —
Лишь за тебя мечты мои кипѣли,
Лишь о тебѣ я вижу ночью сны!

Какъ нѣжный шопотъ задремавшой Влтавы,
Я слышу пѣснь призывную твою,
Твой русскій зовъ могучій, величавый,
Гремящій шумомъ вдругъ вскипѣвшей лавы
За край родной, за родину мою.

Тебѣ я шлю всѣ лучшіе привѣты,
И какъ волна, катаясь за волной,
Къ тебѣ лечу я, лишь тобой согрѣтый,
И какъ рѣка, какъ шумъ, какъ волны
эти, —
И я уйду навѣки за тобой...

A. K.

Русь.

Бирюзой полны затоны,
Охрой тронута заря...
Вьются стаями вороны
У крестовъ монастыря.

Вздохи далей, птицы стоны,
Шелкъ и бархатъ Божихъ ризъ...
Гдѣ-то снова перезвоны
По рѣкѣ поплыли внизъ.

И отъ этихъ зорь и звоновъ
Я никакъ не оторвусь, —
Глади дремлющихъ затоновъ...
Это вѣдь родная Русь.

Виталій Вячеславський.

г. Осекъ,
Югославія.

Запахъ воска, перезвоны,
За рѣкой колокола....
Золотятся анемоны,
Серебромъ течеть смола.

Юбилей.

Глубоко поднялъ землю острый плугъ,
Но нивамъ, гдѣ пройдетъ, еще не видно
края...

Налей же мнѣ шампанского, налей,
Бѣгуцее впередъ неудержимо время!
Сегодня сердцу милый юбилей
И жатва за годъ вспаханныхъ полей,
Куда счастливое упало слово-съмѧ.

И пахарь опытный, нашъ общій другъ,
Работъ своихъ закончивъ первый кругъ,
Сегодня радостно присядеть, отдыхая.

Г. Осекъ.
Югославія.

Виталій
Вячеславський.

Четвертая поѣздка О-ва „Возрожденіе“.

Въ этомъ году Об-во предприметъ четвертую поѣздку по Подкарпатской и Пряшевской Руси. Первая поѣздка 1924 г. была наименьшая и ограничилась только Пряшевской Русью. Въ то время нѣсколько нашихъ студентовъ, полныхъ національного чувства, хотѣло указать на родинѣ свою работу въ Прагѣ и распространять дыханіе русской культуры дома. Та же цѣль была поставлена и при послѣдующихъ второй и третьей поѣздкахъ. Нынѣ, въ 1931 году, Общество „Возрожденіе“ празднуетъ 10-лѣтній юбилей своего существованія и чтобы этотъ юбилей достойно ознаменовать — рѣшили предпринять поѣздку въ большихъ размѣрахъ и даже и въ Румыніи показать свою работу, дабы и тамъ познакомились съ карпаторусскимъ студенчествомъ и его культурными достижениями. Кромѣ того, рѣшено прочитать въ нѣкоторыхъ деревняхъ лекціи для народа на слѣдующія темы: „О демократіи“, „О кооперації“, „О гигіенѣ“, „Объ алкоголизмѣ“ и „О національномъ самосознаніи“.

Принимаются мѣры къ тому, чтобы въ Кошицахъ, гдѣ будетъ концертъ впервые, можно было высылать его по радио и дать этимъ возможность послушать его всѣмъ, кто не посѣтить на мѣстахъ. Хотя Общество находится въ очень стѣсненныхъ

матеріальныхъ обстоятельствахъ, мы думаемъ, что наша поѣздка удастся въ полной мѣрѣ при поддержкѣ всей общественности Карпатской и Пряшеской Руси, для блага коихъ студенты готовятся отдать свои силы.

Приблизительно намѣченъ слѣдующій планъ поѣздки:

- 4 іюля — Нижніе Верещки
- 5 іюля — Воловое
- 6 іюля — Воловецъ
- 7 іюля — Свалява
- 9 іюля — Мукачево
- 10 іюля — Чинадѣво
- 12 іюля — Бѣлки
- 14 іюля — Севлюшъ
- 15 іюля — Хустъ
- 16 іюля — Тячево
- 18 іюля — Т. Богданъ
- 19 іюля — Ясия
- 20 іюля — Рахово
- 22 іюля — Мармарощь-Сиготъ
- 24 іюля — Ужгородъ
- 25 іюля — Перечинъ
- 26 іюля — В. Березное
- 29 іюля — Кошицы
- 31 іюля — Пряшевъ
- 1августа — Свидникъ
- 2августа — Бардіовъ.

A.

День Русской Культуры.

Въ Подкарп. Руси празднованіе Дня Русской Культуры было озnamеновано конгрессомъ Учительского Товарищества, открытиемъ памятника одному изъ будителей Подк. Руси, творцу русско-мѣдѣярского словаря Александру Митраку, и общимъ собраніемъ Общества имени А. В. Духновича.

6-го іюня собрались учителя въ Мукачево на конгрессъ. На этомъ конгрессѣ присутствовало 800 учителей, членовъ Товарищества, и 200 гостей. Было произнесено много сердечныхъ привѣтствій, послѣ которыхъ были приняты резолюціи, въ коихъ конгрессъ единогласно выска-

зался за русскій литературный языкъ и одновременно этимъ протестовалъ противъ українізації.

Послѣ обѣда всѣ участники конгресса присутствовали на панихидѣ у могилы А. Митрака.

Празднованію Дня Русской Культуры нѣсколько помѣшалъ дождь, лившій всю ночь, утромъ и при открытии памятника. Въ 8 часовъ показалось солнце и городъ Мукачево принялъ торжественный видъ, ибо почти всѣ дома были украшены флагами. Хотя погода была плохая — все-таки уже съ утра со всѣхъ сторонъ Подк. Руси собирался народъ на праздникъ О-ва Духновича, проходившаго въ рамкахъ Дня Русской

Культуры. На площади „Славянинъ“ собралось 8000 человѣкъ, которые построились въ ряды и открыли торжественное шествіе по городу.

Потомъ былъ открытъ памятникъ А. Митраку о. протодіакономъ Э. Сабовимъ, пожизненнымъ предсѣдателемъ О-ва Духновича, и переданъ городу Мукачеву. Къ сожалѣнію, нѣкоторая часть программы должна была быть отмѣнена изъ за проливного дождя.

Общее собраніе было импозантнымъ и прошло безъ инцидентовъ. Ходъ собранія передавался по радио изъ Кошицъ, какъ и концертъ, такъ что и мы, студенты, имѣли возможность послушать концертъ и рѣчи на съездѣ. Было произнесено много привѣтствій и прочтены доклады. Было избрано три почетныхъ члена О-ва, а именно: з. през. А. Розсыпалъ, сенаторъ В. Клофачъ и князь Волконскій.

Вечеромъ состоялся концертъ, имѣвшій огромный успѣхъ. Общество „Возрожденіе“ приняло участіе во всѣхъ торжествахъ командированиемъ своихъ делегатовъ.

Эти торжества еще разъ подчеркнули на Подк. Руси, во всей республикѣ и особенно въ Прагѣ, что народъ, учительство и вся интелли-

генція придерживается русского языка.

Въ Прагѣ празднованіе „Дня Русской Культуры“ прошло, какъ всегда, блестяще. Чешская Филармонія дала специальный концертъ, посвященный произведениямъ русскихъ композиторовъ. На состоявшемся собраніи, посвященномъ Петербургу, на которомъ были показаны виды старого Петербурга, была произнесена рѣчь специально прибывшимъ изъ Парижа проф. Маклаковымъ на ту же тему. Послѣдній въ яркихъ картинахъ и примѣрахъ изъ исторіи Петербурга и Россіи развернулъ богатое значеніе этого дѣтища Петрова для культуры и исторіи Россіи. Особенно важно обратить вниманіе на то, какъ рядомъ съ высокой культурой дореволюціонной Россіи шла разрушительная работа „полукультурныхъ“ элементовъ, приведшая къ подмѣнѣ истинно культурныхъ основъ Россіи какими то шаткими понятіями соціально-интернаціонального переустройства, въ результатѣ чего получилась замѣна духовныхъ народныхъ цѣнностей стремленіемъ къ материальному идеалу безъ опоры на традиціонный духъ русской культуры.

Ст. А.

Хроника.

Съ радостью извѣщаемъ карпаторусскую общество, что членъ О-ва колл. Адальбертъ Виттенбергеръ 15.V достигъ академического титула электротехническаго инженера; колл. Василий Васовчикъ 28.VI былъ промованъ докторомъ (юридическихъ) правъ.

Колл. Степанъ В. Адамковичъ, бывшій предсѣдатель О-ва, 25.VI получилъ и достигъ званія инженера-электротехника.

Нашъ дирижеръ балалаечнаго оркестра колл. Константинъ С. Стакевичъ 27.VI окончилъ агрономическое отдѣленіе при пражскомъ политехникумѣ и получилъ инженерскій дипломъ.

Поздравляемъ.

Делегація чехословацкихъ студентовъ въ СССР.

„Организація хозяйственного и культурного сближенія съ Новой Россіей“ предполагаетъ осуществить поѣздку 25-30 чел. студентовъ въ совѣтскую Россію въ половинѣ августа. Большинство чехословацкаго студенчества стоитъ противъ этого предпріятія, ибо видѣтъ въ немъ политическое, а не культурное стремленіе совѣтскихъ верховъ. Такимъ же образомъ и карпаторусское студенчество отрицательно относится къ этой делегаціи, какъ и сама центральная организація чехослов. студенчества.

Мадьяріи, гдѣ говорили д-ръ Крамаржъ, д-ръ Годжа и Разусъ и было сказано нѣсколько привѣтствій. Залъ былъ переполненъ и всѣ присутствующіе съ воодушевленіемъ приняли резолюціи, протестующія противъ притѣсненія словаковъ въ Мадьяріи.

Всеславянскія студенческія торжества въ Братиславѣ.

Словацкій союзъ студентовъ устраиваетъ въ дни 6-10 іюля 1931 г. всеславянскія студенческія торжества, въ которыхъ примутъ участіе всѣ славянскіе студенты. Эти торжества служать для укрѣпленія всеславянской взаимности между студентами университетовъ и среднихъ школъ. Первый подобный всеславянскій съездъ студентовъ былъ въ Бѣлградѣ въ прошломъ году. Онъ былъ съездомъ чисто всеславянской средне-школьной молодежи. При этихъ торжествахъ 8 іюля состоится II-й съездъ всеславянской средне-школьной молодежи, совѣщеніе славянскихъ студентовъ и организованіе Центрального Союза всеславянскихъ студентовъ. Прекрасная мысль не могла осуществиться нѣсколько лѣтъ и мы радуемся, что теперь, можетъ быть, удастся эта организація, хотя и имѣетъ много препятствій. Желаемъ, чтобы это начинаніе окончилось съ полнымъ успѣхомъ.

* *

11.VI Центральн. Союзъ Чехословацк. Студ-ва устроилъ манифестацію за права словаковъ въ

По случаю торжествъ 20-лѣтняго юбилея чехословацкаго скаутизма, состоится Всеславянскій скаутскій съездъ въ Прагѣ 28 іюня - 2 іюля,

на который съѣзжается въ Прагу приблизительно 15.000 скаутовъ со всѣхъ концовъ Европы не только славянъ, но и иныхъ народовъ (французы, англичане и др.). На этомъ съѣздѣ примутъ участіе также и карпаторусские скауты им. Духновича, которыхъ пріѣдетъ приблизительно 100 ч. Наши скауты будутъ имѣть свою палатку и примутъ участіе своими карпаторусскими танцами.

Смерть выдающагося общественного дѣятеля Подкарпатской Руси.

29 апрѣля с. г. умеръ на 58-мъ году жизни д-ръ Корнилій Осиповичъ Могильницкій, старшій

совѣтникъ Краевого суда въ Ужгородѣ.

Послѣ паденія большевизма въ Венгрии онъ былъ посланъ Министромъ въ освобожденные края Пряшевской и Подк. Руси, где организовалъ судебное вѣдомство. Здѣсь работалъ исключительно культурно, состоя членомъ и основателемъ всѣхъ культурныхъ обществъ.

Въ немъ потеряли мы одного изъ выдающихся борцовъ за русскость и первого организатора нашего судебного вѣдомства.

Вѣчная ему память.

Приложение къ № 9-10 журнала „Молодая Русь“.

Наступилъ конецъ учебнаго года. Многіе покинутъ навсегда гимназическую скамью. Оканчивающіе школу заглянутъ въ глаза неизвѣстному будущему, иной отступить передъ неизвѣстной жизнью, сопряженной съ полученіемъ образованія въ высшей школѣ. Это моментъ, когда молодой человѣкъ рѣшаетъ судьбу своей жизни, поэтому слѣдуетъ подвергнуться строгой автокритикѣ. Каждое призваніе красиво, если обязанности, налагаемыя имъ, исполняются по совѣсти, но при этомъ надо дать себѣ отчетъ въ томъ, къ чему вы способны и что соответствуетъ больше всего вашимъ интересамъ.

Настоящей информацией я не хочу давать вамъ совѣты, это не является ея задачей, но желательно облегчить переходъ въ высшую школу и быть первымъ указателемъ въ запутанныхъ ходахъ высокоскольной жизни. Мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ университета, что является одной изъ причинъ, почему не всѣ могутъ, благодаря бѣдности, дополнить свое образование. Какъ для каждого серьезнаго дѣла, такъ и для полученія высшаго образованія требуется энергія, настойчивость и твердая воля, благодаря каковымъ качествамъ, какъ я ниже укажу, можно преодолѣть тѣ устрашающія мысли, которыя многихъ изъ васъ терзаютъ, т. е. заботы о материальной сторонѣ.

Академическая свобода не обозначаетъ забвенія обязанностей къ себѣ и общественности. Каждый изъ насъ долженъ помочь общему укрѣплению народнаго духа. Нужно какимъ нибудь образомъ обосновать свое существованіе. Открывается передъ вами прекрасное поле для дѣйствія. Каждый изъ васъ достигнетъ своего, нельзя лишь забывать, что сначала мы должны искать путь, который насъ соединя-

етъ, а не раздѣляетъ. Требуетъ этого и вашъ личный интересъ и интересъ народа. Каждый долженъ слѣдить за тѣмъ, чтобы быть совершеннымъ не только въ глазахъ близкихъ, но и въ своихъ собственныхъ. Кроме работы въ широкомъ кругѣ общественности ждетъ васъ и студенческая. Для такой работы, какъ болѣе или менѣе известно вамъ, для насъ, карпатороссовъ, есть О. К. С. „Возрожденіе“ и Центральный Союзъ Подкарпаторусскихъ Студентовъ, которые находятся въ близкихъ сношеніяхъ со всѣми студенческими организациями здѣшними и нѣкоторыми заграницными. Обязанность каждого студента, карпаторосса, быть членомъ вышеупомянутаго о-ва, принимая не *пассивное*, но *активное* участіе въ работѣ о-ва и тѣмъ самымъ приготовляясь для общественной работы на Родинѣ, которая очень-очень нуждается въ опытныхъ и со здравымъ разумомъ общественныхъ дѣятеляхъ. Понимаю здѣсь всѣ отрасли общественной работы. Мы, молодая генерація, учащіеся въ Прагѣ, не смѣемъ зря тратить время и у чеховъ многому полезному можемъ научиться, а послѣ окончанія школы, пріобрѣвъ теоретическія знанія, проводить ихъ на практикѣ для Родины, и тогда, не хочу вѣрить, чтобы наши отцы въ такъ нетерпѣливо ожидаемыхъ своихъ сыновьяхъ разочаровались бы.

Итакъ, друзья, ждетъ васъ, кроме своего личнаго дѣла, и общественная работа. Не хочу этимъ сказать, чтобы вышли до крайности, но при разумномъ раздѣленіи работы можно прекрасно все осуществить.

Въ концѣ хотѣлъ бы вамъ еще указать неправильное раздѣленіе силъ. Въ нающее время, когда такимъ быстрымъ тмпомъ развивается модерное хозяйство,

4) Философскій фак. Курсъ 4 года. Для того, чтобы получить право быть преподавателемъ въ среднихъ школахъ, нужно подвергнуться двумъ государственнымъ экзаменамъ. По пріобрѣтеніи диплома имѣеть право преподавать во всѣхъ классахъ средней школы.

Первому государственному экзамену можно подвергнуться по прослушаніи наименѣе четырехъ семестровъ и только въ концѣ 4 семестра. Второму же по прослушаніи 8 семестровъ — въ концѣ.

Ввиду того, что новый законъ слишкомъ подробно разбираетъ условія гос. экзаменовъ по отдѣльнымъ предметамъ — я, изъ-за недостатка мѣста, не буду излагать вамъ подробная свѣдѣнія, но совѣтую каждому поступившему на философскій фак. купить „Zkušební řád pro učitele středních škol“, можете достать его въ деканатѣ или въ „Státní nakladatelství v Praze“. Экзамены гораздо лучше поставлены, чѣмъ раньше.

5) Фак. естественныхъ наукъ. Курсъ 4 года.

Условія экзаменовъ тѣ же, что и на философскомъ, разница та, что на философскомъ фак. — языки, философія и исторія, а на фак. естественныхъ наукъ — математика, естественная исторія, географія, физика, химія, дескриптивная геометрія, гимнастика. Выборъ предметовъ по собственному желанію.

Политехникумъ.

Подробно не буду разбирать, т. е. каждое отдѣленіе въ отдѣльности, ибо можно сказать, что на всѣхъ отдѣленіяхъ условія для экзаменовъ одни и тѣ же, разница только въ практическихъ упражненіяхъ, на одномъ отдѣленіи больше, на другомъ меньше. Отдѣленія суть: строительное, архитектурное, электро-техническое, химическое, лѣсное, агрономическое, коммерческое, специальныхъ наукъ. Курсъ первыхъ четырехъ отдѣленій $4\frac{1}{2}$ года, а остальные по 4 и 3 года. Первый госуд. экзаменъ можно держать у первыхъ 4 отдѣленій по истечениіи $2\frac{1}{2}$, а у остальныхъ отдѣленій по истечениіи 2 лѣтъ. Для того, чтобы быть допущеннымъ къ первому госуд. экзамену, должно посѣщать всѣ практическія упражненія и подать о нихъ письменный докладъ, чертежи^и отдать во-время. Кромѣ сего, сдать госуд. коллоквіумъ по отдѣльнымъ предметамъ. Когда кандидатъ удовлетво-

риль всѣмъ этимъ требованіямъ, подаетъ прошеніе испытательной комиссіи, которая опредѣляетъ еще 2-3 предмета, изъ которыхъ долженъ дѣлать госуд. экзаменъ, первый разъ письменную работу, а потомъ, если письменныя удались, допускается кандидатъ къ устному экзамену. Такія же условія при второмъ госуд. экзаменѣ.

Стипендії.

Самая большая стипендія выдается Мин. школъ и Нар. просв. — государственная и Ярниковъ фондъ. Государственная стипендія — максимумъ 1500 кр. въ годъ, выдается по четвертямъ года, а Ярниковъ фондъ — максимумъ 3500 кр. и выдается по-мѣсячно. Гусовъ фондъ — до 100 кр. въ мѣсяцъ или обѣды. Прошенія подаются до 15 числа каждого мѣсяца. Соціальное обеспеченіе выдаетъ безпроцентную ссуду для студентовъ съ условіемъ погашенія ея по окончаніи курса. Документы для исходатайствованія стипендіи нужны слѣдующіе: аттестовать зреістри (успѣхи не ниже „добрыхъ“), документъ о подданствѣ, свидѣтельство о бѣдности на государственномъ бланкѣ. Прошенія подаются до 24 октября, начиная съ 1 октября. Рѣшеніе о стипендіи сообщается не ранѣе конца января.

Общежитія.

Svazová kolej čs. studenstva. Содержаніе отъ 220-250 кр. въ мѣсяцъ. Масариково общежитіе. Самое большое (на 900 студ.). Содержаніе — 360-550 кр. въ мѣс. Будечъ (исключительно для дѣвушекъ). Содержаніе — отъ 360-600 кр. въ мѣсяцъ. Прошенія во всѣ названныя общежитія подаются до 15 іюля. Hlavková kolej. Содержаніе — отъ 100-260 кр., требуется аттестовать зреістри съ отличиемъ. Прошенія — до 2 іюля. Švehlová kolej. Исключительно для аграрниковъ. Помѣщеніе отъ 130-250 кр. (можно столоваться за отдѣльную плату — обѣдъ 4 кр.). Студенческая колонія на Летнѣ — самое дешевое общежитіе. Въ первый годъ комната стоитъ 90 кр. въ мѣс., остальные — по 75 кронъ. Столъ можно получать тамъ же.

Столовыя.

Академический Домъ: обѣдъ 4 кроны, ужинъ отъ 3-7 кронъ. Студенческий Домъ: обѣдъ 3,50 кроны. Столовая Академиковъ: обѣдъ 5 кр. Есть еще рядъ студенческихъ столовыхъ, гдѣ можно получить обѣдъ по 4, 5 и выше кронъ.

Цѣна двойн. номера — 5 кронъ чешск.

На годъ — 30 кр. ч., для Америки — 1,5 долл.

Адресъ Редакціи: Praha III., Akademický Dům,
S. K. S. »Vozroždenije«.

»Mladá Rusj«. Ročník I. Číslo 9-10. Vychází 10. ročně. Vydavatel »Spolek
karpatoruských studentů »Vozroždenije v Praze.«
Odp. redaktor St. Antolovskij.
Knihtiskárna »Družina«, Písecká brána 208.